

Эрос как глагол

Новое время свело понятие эроса до любви чувственной, телесной. Нельзя сказать, чтобы древние греки смотрели на него совсем уж иначе — в обиходном понимании эрос — любовь, скажем так, материальная, был противопоставлен филии — любви-приязни и агапэ — любви безупречной, чистой и возвышенной.

Но помимо этого эрос был для греков одной из могущественных стихий наравне с землей, воздухом, огнем и водой — неслучайно легкомысленная на первый взгляд Афродита была одной из древнейших богинь. В некотором смысле эрос мыслился не просто стихией, но главной из них — именно он обеспечивал взаимодействие всех прочих элементов. Луна не улетала от Земли, потому что ее притягивала к Земле любовь — все тот же эрос. Эрос двигал волнами, тянущимися к суше, и дождем, проливающимся на землю. Говоря о «любви, что движет солнце и светила», Данте имел в виду любовь того же вселенского толка, только для него она существовала не сама по себе, но воплощалась в христианском божестве.

Книга — по сути дела, развернутое эссе — канадской писательницы, поэтессы и филолога-классика Энн Карсон посвящена размышлениям именно об эросе в этом значении — как фундаментальной силе, приводящей в движение не только любящих людей, но и весь мир. И в этом качестве «Горько-сладкий эрос» будет логично поставить в один ряд с «Фрагментами речи влюбленно-

го» Ролана Барта так же глубоко и тонко препарирующими самую суть любви. Впрочем, с одной важной поправкой: в отличие от Барта, концентрировавшегося на процессах внутри любящего, Карсон фокусируется на эросе как таковом — на властном притяжении между двумя объектами. На эросе как действии, а не состоянии.

Подобно тому, как Жиль Делёз посвятил целое масштабное исследование метафизике складки, Карсон в первую очередь говорит о промежутке — о том таинственном, непреодолимом и наэлектризованном пространстве, которое отделяет любящего от объекта его любви. Почему непреодолимом? Потому что само существование субъекта — собственно любящего — автоматически предполагает наличие у него границы, которую эрос — влечение к другому — способен растопить (античные поэты регулярно используют для описания любовного чувства метафору плавящегося воска), но не уничтожить.

Стремясь к полному слиянию с объектом любви, мы в то же время не способны, да и не очень хотим реализовать его на практике — ведь, если верить Энн Карсон, это означало бы потерю границы нашей личности, а с ней и собственного «я». Если угодно, конец самого нашего существования, а вместе с ним и любви. Предельное сближение с любимым или любимой — это верная смерть: именно так интерпретирует эрос греческая поэтесса Сапфо в своем знаменитом стихотворении «Богу равным кажется мне по счастью»: находиться «близко-близко» к любимому доступно только боже-ству, но не человеку.

Именно это и делает эрос, по Карсон, горько-сладким, ведь в самом понятии заложено и притяжение, и отторжение, и ненависть, и любовь, о странном сочетании которых так любят рассуждать античные поэты от Архилоха до Катуллы. Эрос нам не друг, и поселяясь

внутри, он наносит человеку раны — одновременно и прекрасные, и мучительные. Он вынуждает нас стремиться к цели, которую по определению нельзя достичь.

Рассуждая об эросе как о промежутке, наполненном сладостью и горечью, Энн Карсон ищет проявления того же принципа и в других областях. В поэтике греческого любовного стиха с его неперменным хиатусом — неслитным сочетанием двух гласных звуков, символически обозначающим зияние между любящим и любимым. В греческом алфавите, впервые в человеческой истории вводящем идею обособленной согласной как разрыва между гласными (в более раннем слоговом письме один знак всегда соответствовал сочетанию согласного и гласного звуков). В самой идее письма и чтения, предполагающей четкое осознание барьера между человеком и воспринимаемым им миром, расчленение неделимого прежде сущего.

Эссе Энн Карсон поэтично, безупречно написано, наполнено очаровательными примерами и обманчиво непрактично — кажется, что ее размышления о природе античного эроса не применимы ни к чему, кроме античного эроса. Это впечатление неточно. Как всякое по-настоящему значимое, заметное высказывание, «Горько-сладкий эрос» обладает свойствами одновременно и предметности, и универсальности. Анализируя античное восприятие любви, Карсон предлагает определенный ракурс, некий способ смотреть на мир и отношения между людьми — в том числе лежащие далеко за пределами эротической, любовной сферы. И способ этот не столько нов сам по себе, сколько важен и продуктивен именно сегодня, когда взаимное отчуждение — тот самый разделяющий нас «промежуток» — выглядит особенно болезненным, заряженным и непреодолимым.

Галина Юзефович, литературный критик

Оглавление

<i>Эрос как глагол</i>	5
<i>Список сокращений</i>	10
<i>Издания</i>	12
<i>Условные обозначения</i>	13
<i>Греческий алфавит и транслитерация</i>	13
Введение	14
Горько-сладкий.	16
То, чего нет	26
Хитрость	29
Тактика	37
Недосягаемость	48
Натолкнуться на границы.	53
Логика у границ	56
Теряя границы	66
Архилох и границы	76
Границы алфавита	86
Чего хочет влюбленный от любви?	98
Symbolon	109
Рождение романа.	118
Нечто парадоксальное.	126
И автор с книгой своднею нам стал	131

Письмена и письма	138
Свернутые смыслы	148
Беллерофонт дал маху	152
Реалист	160
Лед-удовольствие	163
Сейчас Тогда	172
Erotikos Logos	181
Обходной маневр	182
Вред живому	190
Мидас	195
Цикады	201
Садоводство для развлечения и прибыли	204
Чего-то важного недостает	209
Захват	211
Прочти это с начала	216
«Тогда» заканчивается там, где начинается «сейчас»	220
Как много значат крылья	226
О чем этот диалог?	234
Mythoplokos	238
<i>Библиография</i>	246
<i>Указатель цитируемых фрагментов</i>	253

Введение

Рассказ Кафки «Волчок» повествует о некоем философе, который проводит досуг среди играющих детей, силясь схватить волчок во время вращения. Всякий раз, когда ему это удается, он переживает мгновение счастья, убежденный, что «достаточно познать любую малость, следовательно и вертящийся волчок, чтобы познать всеобщее». Почти сразу же восторг сменяется отвращением, и он отбрасывает волчок и уходит. Однако надежда познания наполняет его всякий раз, стоит ему увидеть, как дети собираются запускать волчок: «... а если волчок уже вертелся и он, задыхаясь, бежал за ним, надежда превращалась в уверенность, но когда он наконец держал в руках глупую деревянную вертушку, ему становилось тошно»¹.

Этот рассказ — о том восторге, каким наполняет нас метафора. Значение вращается, оставаясь прямым на оси нормального, повинаясь условности ассоциативного значения и понятийного смысла — и тем не менее: вращаться — это ненормально, прятать нормальность и прямоту посредством волшебного вращения — нелепо. Какое

¹ Пер. В. Станевич. — *Прим. пер.*

отношение нелепость имеет к надежде познания?
К восторгу?

Этот рассказ — размышление о причинах того, почему мы любим влюбляться. Красота вращается, приводя в движение рассудок. Если поймать красоту, то удастся понять, как возможна нелепая устойчивость головокружения. Но восторгу нет нужды достигать своей цели. Бежать, задыхаясь, но все еще не догнать — вот что упоительно: застывшее мгновение живой надежды.

Нет, цель влюбленного не в том, чтобы устранить нелепость. И не верю я, что наш философ в самом деле гонится за познанием. Скорее он стал философом (то есть тем, чья профессия — восторг познания), дабы получить благовидный предлог и припустить за волчком.

*Принстон, Нью-Джерси.
Август, 1985 год.*

Горько-сладкий

Первой назвала любовную страсть «горько-сладкой» Сапфо. Всякий, кому случалось влюбляться, с ней согласится. Что же имеется в виду?

Сапфо любовь казалась опытом, приносящим одновременно удовольствие и боль. Здесь есть противоречие и, возможно, парадокс. Для постижения этого эрос рассекает надвое рассудок. Отчего? Составляющие противоречия на первый взгляд очевидны. Как и Сапфо, мы считаем сладость любовного желания чем-то само собой разумеющимся; она улыбается нам обещанием удовольствия. Горечь же не настолько очевидна. Возможны разные причины, почему то, что сладко, непременно должно быть и горьким. Поэты истолковывали это по-разному. Собственная формулировка Сапфо — отличная отправная точка для отслеживания возможных трактовок. Вот тот самый отрывок:

Ἔρος δῆϊτέ μ' ὁ λυσιμέλης δόνει,
γλυκύπικρον ἀμάχανον ὄρπετον.

Эрос вновь меня мучит истомчивый —
Горько-сладостный, необоримый змей¹.

(LP, fr. 130)

¹ Пер. В. Вересаева. — *Прим. пер.*

Перевести это сложно. Буквальный перевод «сладко-горький» звучит странно, однако стандартная последовательность «горько-сладкий» передает сложное слово *glukupikron*, которое употребила Сапфо, в обратном порядке. Должно ли это нас беспокоить? Если выбранная поэтессой очередность имеет целью описание явления — выходит, эрос поначалу сладок, но постепенно становится горьким: она располагает возможности в хронологическом порядке. Опыт любовных отношений множества людей подтверждает справедливость такой хронологии, особенно в поэзии, где любовь чаще всего ничем хорошим не заканчивается. Но маловероятно, что Сапфо имеет в виду именно это. Начинается стихотворение с драматургической локализации эротической ситуации во времени (*dēute*, вновь) и фиксации эротического действия в настоящем времени и изъявительном наклонении (*donei*, сотрясает, возбуждает). Сапфо не пишет историю любви — она описывает момент желания. Мгновение, пошатнувшееся под натиском желания; рассудок, расколовшийся надвое. Совмещение удовольствия и боли налицо. Аспект удовольствия идет первым — предположительно оттого, что он очевиден. Акцент сделан на другой, проблемной стороне явления, чьи характерные особенности выступают на первый план, пролившись дождем мягких согласных (строка 2). Эрос пробирается или прокрадывается в жертву откуда-то извне, как змей (*orpeton*). И битва проиграна без боя (*amachanon*). Выходит, желание — не обитатель того, кто желает, и не со-

юзник ему. Несвойственное воле Сапфо, оно сильно, непреодолимо проникает извне внутрь нее. Эрос — враг. Эта горечь и есть вкус вражды. Иными словами, ненависти.

«Любить друзей и ненавидеть врагов» — гласит с архаичных времен неписанный моральный закон. Любовь и ненависть и все, что между ними, составляют механику человеческих взаимоотношений. Имеет ли смысл располагать оба полюса такой парадигмы в одном-единственном эмоциональном событии, эросе? Вероятнее всего, да, если друг и враг сходятся в существе, от которого этот эрос исходит. Такое совпадение порождает парадокс, но из числа тех, что в современном литературном воображении давно превратились в клише. «А где кончается любовь, там начинается ненависть...» — шепчет Анна Каренина, собираясь одновременно на Московский вокзал и покончить с дилеммой желания. На самом деле эротический парадокс появился раньше самого Эрота¹. Впервые мы видим, как этот парадокс разыгрывается на троянской стене в сцене между Еленой и Афродитой. Обмен репликами выходит настолько четким, что складывается в парадигму. Гомер показывает нам Елену, воплощение желания, которая, устав от уз эроса, бросает вызов велению Афродиты делить ложе с Парисом. В ответ разгневанная богиня любви размахивает эротическим парадоксом как оружием:

¹ Автор различает божество Эрота и чувство эрос. — *Прим. ред.*

μή μ' ἔρεθε σχετλίη, μή χωσαμένη σε μεθείω,
τὼς δέ σ' ἀλεχθήρω ὡς νῦν ἔκπλαγλ' ἐφίλησα.

Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя
я оставив,
Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно
любила.
Вместе обоих народов, троян и ахейн, свирепство
Я на тебя обращаю, и погибнешь ты бедственной
смертью!¹

(Ил., III, 414–415)

Елена немедленно повинуется — сочетание любви и ненависти делает противника неодолимым.

Синхронность горького и сладкого, поражающая нас в прилагательном *glukupikron* у Сапфо, в поэме Гомера представлена иначе. Условность эпоса дает внутренним движениям души возможность проявляться и разыгрываться динамически и линейно, так что разделение рассудка надвое угадывается за чередой взаимоисключающих поступков. Однако и Сапфо, и Гомер сходятся в том, что божественная природа желаний представлена в двойкой форме — одновременно и друга, и врага, и таким образом эротический опыт оборачивается эмоциональным парадоксом.

Эрос появляется в различных жанрах и у разных поэтов, как парадокс любви и ненависти. К примеру, Аристофан повествует, как соблазнительный

¹ Здесь и далее цитаты из «Илиады» приведены в пер. Н. Гнедича. — *Прим. пер.*

молодой повеса Алкивиад оказывается способен внушить греческому *демосу* чувства, схожие с любовной страстью:

ποθεῖ μὲν, ἐχθαίρει δέ, βούλεται δ' ἔχειν.

Желает, ненавидит,
хочет все ж иметь¹.

(*Ran.*, 1425)

В Эсхиловом «Агамемноне» описывается, как Менелай бродит по дворцу после того, как Елена оставила его. Кажется, в комнатах осталась ее тень; войдя в опочивальню, он восклицает: «И ложе, увы, сирое!» (411). Нет сомнения, он испытывает желание (*pothos*, 414), однако пустоту начинает заполнять ненависть (*echthetai*):

πόθῳ δ' ὑπερποντίας
φάσμα δόξει δόμων ἀνάσσειν·
εὐμόρφων δὲ κολοσσῶν
ἔχθεται χάρις ἀνδρί,
ὀμμάτων δ' ἐν ἀχηνίαις
ἔρρει πᾶς Ἀφροδίτα.

Не ее ль
Все царит в сих чертогах призрак?
Изваяний прекрасных
Ненавистно прельщенье:
Алчут очи живой красы!
Где ты, где, Афродита?²

(*Ag.*, 414–418)

¹ Пер. А. Пиотровского. — *Прим. пер.*

² Пер. В. Иванова. — *Прим. пер.*

Любовь и ненависть снабжают темами и эллинистическую эпиграмму. Типичен призыв Никарха к возлюбленной:

Εἴ με φιλεῖς, μισεῖς με· καὶ εἰ μισεῖς, σὺ φιλεῖς με·
εἰ δέ με μὴ μισεῖς, φίλτατε, μὴ με φίλει.

Если ты любишь меня, ненавижь, ненавидя,
ты любишь.

Коль отвращения нет, милая, нет и любви.

(*Anth. Pal.*, XI, 252)

Должно быть, в самой изысканной, дистиллированной форме это клише подано у Катулла:

Odi et amo. quare id faciam, fortasse requiris.
nescio, sed fieri sentio et excrucior.

Ненависть — и любовь. Как можно
их чувствовать вместе?

Как — не знаю, а сам крестную муку терплю¹.

(*Catullus*, LXXXV)

Порой поэты греческой лирической традиции осмысливают состояние эротической любви до такой степени концептуально, однако в общем и целом Сапфо и ее последователи предпочитают концепциям физиологические образы. Момент, когда душа, объятая желанием, разделяется надвое, представлен как дилемма тела и рассудка. Сапфо, как мы

¹ Пер. С. Шервинского. — *Прим. пер.*

уже увидели, ощутила на языке «горечь и сладость» момента. В более поздних стихотворениях такая двойственность вкуса превращается в «горький мед» (*Anth. Pal.*, XII, 81), «сладкую рану» (*Anth. Pal.*, XII, 126) и «эрос сладких слез» (*Anth. Pal.*, XII, 167). В стихотворении Анакреонта Эрот сбивает влюбленного с ног, обдав сперва жаром, а потом холодом:

μεγάλῳ δηῦτέ μ' Ἔρωσ ἔκοψεν ὥστε χαλκεύς
πελέκει, χειμερίη δ' ἔλονσεν χαράδρῃ.

Как кузнец молотом, вновь Эрот по мне ударил,
А потом бросил меня он в ледяную воду¹.

(*PMG*, 413)

— тогда как Софокл сравнивает это со льдинкой, тающей в теплых ладонях (*Radt*, fr. 149)². Более поздние авторы смешивали ощущения жара и холода с метафорой вкуса; так получился «сладкий огонь» (*Anth. Pal.*, XII, 63), влюбленные, «обожженные медом» (*Anth. Pal.*, XII, 216), стрелы Эрота «закалены в меду» (*Anac.*, 27E). Поэт Ивик помещает эротический парадокс в дихотомию «мокрое-сухое» — «сверкающий молнией ветер фракийский» желания несет ему не дождь, а «жгучее безумие»³ (*PMG*, 286, 8–11). Возможно, эти тропы отчасти основаны на античных представлениях о психологии и физиологии, связывавших приятные, желанные или поло-

¹ Пер. Г. Церетели. — *Прим. пер.*

² См. образ «льда-удовольствия» в обсуждаемом далее фрагменте Софокла. — *Прим. пер.*

³ Пер. В. Вересаева. — *Прим. пер.*

жительные действия с ощущением жара, жидкости и таяния, а неприятные или ненавистные — с холодом, сухостью и застыванием.

Но никто не обещает простой карты эмоций. Желание — вещь непростая. По-гречески акт любви именуется «смешивание» (*mignimi*), а желание расплавляет члены (*lusimelēs*, ср. фрагмент из Сапфо выше). Смешались телесные границы, смешались и ментальные категории. Бог (*pothos*, желание), плавающий члены, сокрушает влюбленного (*damnatai*), точно враг на поле битвы:

ἀλλά μ' ὁ λυσιμελής ὄταίρε δάμνεται πόθος.

Плавающий члены бог меня сокрушает.

(Archilochos, West, *IEG* 26)

Очертания любви и ненависти, следовательно, воспринимаются в связи со всевозможными сотрясениями чувственной сферы. Каждое такое сотрясение требует принятия решений и действий, но решение невозможно, а действие — парадокс, когда чувства возбуждены эросом. Даже повседневная жизнь дается с трудом; поэты говорят о последствиях поступков и суждений:

οὐκ οἶδ' ὅττι θεῶ· δίχα μοι τὰ νοήματα.

Я не знаю, как быть: у меня два решения¹, —

(*LP*, fr. 51)

¹ Пер. В. Вересаева. — *Прим. пер.*